

Наперекор огню

«Давайте сюда ваших вундеркиндов»

Лейтенанту Аркадию Обранту было 35 лет. Но он был сед как лунь.

— Садитесь, — сказал генерал. — Между прочим, ранние седины появляются от больших переживаний. Не улыбалась вам жизнь, а?

— Наоборот, — сказал Обрант. — Всё было отлично, если б не война.

Рядом гукнула зенитка. Классная доска (армейский штаб помещался в школе, в селе Рыбацком) качнулась и сбросила мелок на пол. Генерал поднял мелок, положил на место.

И сразу же зенитка замолотила размеренно и часто: как всегда в эти дневные часы, начался налет.

— Теперь, — сказал генерал, — конкретно о деле. Нужны люди для танцевальной группы агитвзвода.

— Есть такие люди, — подумав, сказал Обрант. — И если вы согласитесь...

Из окна было видно, как метрах в ста, на се редине Невы, лед и снег разлетелись белыми брызгами. На их месте встал черный водяной столб: «хейнкели» рвались к штабу. В нарастающем реве зениток Обранту приходилось по чти кричать:

— Если вы согласитесь, у нас будут танцоры!..

— Откуда? — повысил голос и генерал.

— Из Дворца пионеров! — кричал Обрант.

— Что? Мальчишек и девчонок — в этакое пекло?!

— В Ленинграде всюду сейчас пекло, товарищ начальник политотдела!

Воздушный налет стих так же внезапно, как начался, но Обрант продолжал говорить по-прежнему громко.

Генерал не перебивал. Лишь поглядывал в окно на Неву, где опять белел спокойный снег в серых разводьях полыней.

— Хорошо, — вздохнув, сказал генерал. — Вы меня почти убедили. Давайте сюда ваших вундеркиндов.

И, взяв с доски мелок, покрутил его в озябших пальцах. Выл февраль сорок второго.

Лучше это, чем смерть...

С Фонтанки, с Аничкова моста, убрали Клодтовых коней, и теперь Дворец, лишенный такого кавалерийского прикрытия, казался совсем беззащитным.

Обрант подошел к нему, когда рассвет уже чуть высветил колонны, торжественные, как и прежде. Только теперь возле них стояли не автобусы с суматошной детворой, а санитарные машины: в главном здании Дворца расположился госпиталь.

Внезапно лейтенанта окликнул слабый голос:

— Аркадий Ефимыч, голубчик...

Обернувшись, он увидел невысокую изможденную женщину. Это была Варшавская — руководитель студии художественного движения, с которой перед войной работал Обрант. Она только что выписалась из больницы.

— Вы не смотрите на меня сейчас, — сказала женщина. — Я скоро поправлюсь. Скоро

вообще все будет лучше. И Дворец снова станет пионерским.

Он согласился, а сам думал: «Доживешь ли ты до этого часа?» Потом объяснил, зачем пришел в Ленинград. Напряженно ждал: одобрит ли худрук?

— Это страшно, — сказала наконец Варшавская. — Детей — па фронт... Это ужасно!.. Но вы правы. Лучше это, чем голодная смерть в блокадном городе. И потом, мы оба знаем, как искусство может поддержать боевой дух солдат. А наши мальчики и девочки талантливы. Да, Вы правы, дорогой...

Она достала записную книжку с адресами недавних своих студийцев. На розыски ребят отправились вдвоем.

Отчего седеют люди

За неделю до этого у Нелли Раудсепп умер отец. Он лежал на кровати, накрытый только простыней, — ему уже не было холодно. А Нелли с сестренкой и матерью лежали в другой комнате и мерзли. Они очень ослабли, потому что от блокадной пайки хлеба каждая съедала только три четверти — остальное копили, что бы выменять это на гроб для отца.

Лейтенант молча слушал Нелли.

— Девочка, — сказал наконец Обрант. — Они ответят за все. Но если ты хочешь отомстить, пойдем со мной.

Он объяснил, зачем и куда. Анна Кирилловна заплакала. Но дочь уже поднималась с постели, и мать кивнула ей: «Я согласна...» Нелли зашла в соседнюю комнату к отцу, минут через десять вернулась, глаза ее были сухи.

— Я готова, Аркадий Ефимович...

Лейтенант и Варшавская побывали еще у пятерых студийцев, 14 – 15-летних ребят, выглядевших сейчас, в феврале 1942 года, жалким подобием самих себя — когда-то веселых, ловких, сильных девчонок и мальчишек. Генька Кореневский, закутанный в шаль, колот лед перед домом. Ломик в его руках поднимался редко, стучал несильно. Когда дома он снял шапку, голова его оказалась совсем голой: от голода вы пали волосы... Валя Клейман, отворяя гостям дверь, едва дополз до нее.

— Аркадий Ефимович... — прошептал он, лежа па полу, и заплакал. «»

Но и эти трое, и Вера Мефодьева, и Феликс Морель, и Валя Штейн не колеблясь решили стать бойцами фронтового агитвзвода.

Перед войной вся шестерка танцевала в пионерском ансамбле песни и пляски у самого Дунаевского. Поэтому в гардеробе ансамбля, еще сохранившемся, ребятам выдали костюмы — украинские, белорусские, казачьи. Выдали и рюкзаки. Дворец собирал своих воспитанников в дорогу, как бывало и раньше: обстоятельно и любовно. Лишь хлеба не было во Дворце...

В пути сперва повезло: от Московского вокзала пополз паровоз с вагоном. Но вскоре остановился: дальше поезда не шли.

—Что будем делать? — спросил Обрант. — До места километров пятнадцать.

—Странный вопрос, — сказал Генька. — Солдаты ходят и пешком.

Все согласились: солдаты ходят и пешком. Лейтенант даже не противился этому: стоять на месте было равносильно гибели — от голода, от мороза, от тоскливого сознания своего бессилия.

И первым двинулся вперед, таща салазки с грузом, не уместившимся в рюкзаках. В пути Валя Клейман упал и не смог подняться. Его поло жили на доску, привязали к ней веревку и потащили эти санки тоже.

Первый концерт

—Так-так,— сказал начальник политотдела на следующий день ребятам. — Как поживаете, товарищи бойцы?

Мальчишки вскочили с кроватей, даже вконец ослабевший Валя Клейман сел – ночь здорового сна, горячая пища да заботы фронтowego врача начинали делать свое дело. И поэтому «бойцы» гаркнули дружно:

– Отлично поживаем, товарищ генерал!

И Валя Клейман, чуть оробев и прикрыв одеялом худые, голенастые ноги, подтвердил, что поживает отлично.

– Вот и врете, – хмуро сказал генерал. – Типичные дистрофики, а задаетесь. Ну, ладно, подкормим вас, подлечим, все со временем образуется. Кстати, при первой же тревоге – все в бомбоубежище. А тебя, – он осторожно тронул тоненькое Валино плечо, – туда отнесут солдаты. Таков боевой приказ, понятно?

По кислым лицам ребят было видно: огорчены. В соседней комнате завозились, зашумели притихшие было девчата. «Подкормим, подлечим». Уже подкормили и подлечили. Тренаж нужен и первый концерт! На армейском слете сандружинниц, который будет через три дня!

– Быстрые! – сказал генерал. – Прямо завидно. – Глаза его зорко оглядывали ребят. Да, это было бы отлично: украсить концерт хоть од ним танцем – перед женщинами, которым завтра снова в огонь, спасти раненых, может быть, умирать самим.

– Выступить запрещаю, – сказал генерал. – Обойдемся без танцев. Тоже мне энтузиасты!

И быстро ушел, невесело горбясь, всей спи ной ощущая сердитые взгляды мальчишек.

Тогда ребята устроили военный совет, и девчонки, выскочившие из-за перегородки, оказались непримиримее всех. Три дня они заискивали перед врачом, хвастались своей нормальной температурой, с восторгом глотали лекарства и по утрам обязательно выстраивались на зарядку.

Обрант все же начал легкий тренаж: видел, что это на пользу ребятам. И генерал после очередного медосмотра разрешил четверым из шести исполнить в концерте один танец.

Вечер, как обычно, располосовал черное небо лучами прожекторов. А здесь, в школьном зале с плотно завешенными окнами, мерцали керосиновые фонари, и их неверный, но теплый свет отодвигал войну куда-то вдаль, оставляя перед женщинами, сидевшими на скамьях, только радостное озерцо сцены.

Ребятам надо было подгримироваться, а грима не было. Узнав об этом, кто-то из зрительниц передал в комнату к танцорам последнюю свою драгоценность – кусочек губной помады. И Нелли Раудсепп подрумянила бледные щеки, чтобы не казались они зелеными, и мальчишки тоже подрумянились, чтобы выглядеть совсем здоровяками.

Когда грянул оркестр и в вихре гопака вы летели четверо, зал встал – и так, аплодируя, принимал дворцовских ребят. О, они умели танцевать, эти мальчишки и девчонки, выученные еще до войны Обрантом и Варшавской, прошедшие школу первоклассной хореографии! И лишь сил, одних только сил не хватило Геньке Кореневскому. Он пошатнулся и растерян но увидел, что дощатый пол сцены уходит из-под ног. Нелли, задорно улыбавшаяся залу, поддержала его, но вдруг увидела серые пятна лиц, задернутые какой-то тусклой пеленой, и пошатнулась тоже...

Тогда в зало послышались рыдания. Уже был конец танца, и ребята, держась за руки, кланялись со сцены, а зал плакал. Потому что в нем сидели матери и сестры, защитницы Ленинграда, умевшие под бомбами бинтовать бойцов, но неспособные спокойно смотреть, как война прикоснулась к детям.

Генерал приказал дать занавес. Пошел за сцену.

– Вольно, – сказал генерал. – Молодцы! Дайте я вас поцелую. А теперь – в машину.

– Куда едем? – деловито спросил Феликс.

– Разумеется, на гастроли, – сказал генерал.

И велел отвезти новичков агитвзвода в госпиталь – на два месяца, для отдыха и полного излечения.

На войне всегда опасно

55-я армия заслонила собой Ленинград со стороны Колпина. Здесь фашисты рвались к городу совсем уж свирепо. Полки, напряжив мускулы, сдерживали этот бешеный натиск, и шестеро юных артистов, оказавшихся во фронтовом госпитале, тоже не хотели сидеть сложа руки. Уже на исходе первого месяца они стали выступать прямо в палатах, в проходе между койками.

Порой приезжал генерал. Тогда ребята снова чинно располагались по кроватям. Начальник политотдела грозил пальцем, о чем-то долго совещался с врачом и Обрантом. Потом уезжал на передовую.

Наконец случились сразу две радости. Приехала Варшавская и сообщила, что в мае Дворец все-таки открывается. Вторую радость принес Обрант:

– Все! Выписываемся, друзья! Начинаем нормальные репетиции и концерты!

И начались нормальные репетиции и концерты.

Ночь зажгла в небе еще по-весеннему холодные звезды. Грузовик с ребятами пытит у политотдельских дверей. И попятилась назад невидимая в темноте дорога. А шофер осторожничает, то и дело выходит проверять путь.

– Вояка! – злится Генька. – Везет нас как молоко – боится расплескать!

Вдруг впереди – взрыв... Еще один.

– Приехали, – говорит шофер. – Дальше придется пешком.

Идут. Рядом шагают офицер политотдела и Обрант. И шофер шагает рядом, хотя мог бы подождать ребят в любом укрытии.

– Ну, как? – шепчет Феликс Геньке. – Не вояка?..

Их берегли, как могли. Танцевать приходилось всюду – на платформах бронепоездов, на сдвинутых, с откинутыми бортами автомашинах, на лесной утоптанной поляне. И каждый раз организаторы концерта делали все, чтобы спрятать, сберечь ребят от вражеских глаз. Однажды даже заставили выступать под сводом громадной печи для обжига кирпичей – снаряду было не пробить этот свод. В другой раз командир части потребовал заменить яркие костюмы белорусского крыжачка, чтобы не разглядели их сквозь деревья фашисты...

И все-таки это была война, а на войне всегда опасно. Однажды Генька Кореневский и Вера Мефодьева, танцуя у танкистов в полковом клубе, были застигнуты огнем налетом. Домик зашатался, сопровождавший ребят старшина Симонов вытащил их наружу: «Ложись!» Он повалил их на землю и загородил спиной от снарядов, рвавшихся совсем рядом.

Их берегли и ими гордились. Как-то раз после бурной украинской пляски подошел усатый солдат-украинец, поднял на руки Нелли, сказал: «Диты мои...» И так стоял, глядя вверх притихших людей, словно видел милую свою Украину...

«Тачанка»

Ранней весной в Ленинград прорвался партизанский обоз с продовольствием. Агитвзвод давал героям прорыва концерт. Танцевали ребята Обранта, пели певцы, джаз-оркестр поднимал над лесом мелодии, рожденные войной.

Обрант сидел на пеньке, глядел на бойцов, тесно окруживших поляну, и думал о том, что трижды прав был, утверждая недавно в политотделе: искусство танца тоже может и должно отразить геройский дух великой битвы, бушующую под Ленинградом.

И вот теперь перед партизанами исполнялся танец, на который вскоре обратили внимание лучшие мастера искусств Ленинграда.

...По ковыльной прозрачной степи мчится красноармейская тачанка. Рвутся бешеные кони, не смолкает в руках у пулеметчика «мак сим». «Ты лети с дороги, птица, зверь, с дороги уходи...» И уходит все с дороги, и сабли сверкают над головами у буденовцев, и нет такой силы на свете, чтобы стала на пути у этой огненной атаки... Композитор Листов написал свою знаменитую песню о тачанке. Ее воплотил в танец Обрант.

И бывшие мальчишки и девчонки Дворца пионеров, теперь бойцы фронтового агитвзвода, развернули легендарную колесницу далекой гражданской войны перед лицом осажденного фашистами Ленинграда.

Ее показали вместе с другими номерами обрантовской группы в Большом зале филармонии в мае сорок третьего года. Шел отчетный концерт группы. Шоферы на чем свет стоит кляли войну, не пустившую их в зал, и читали при писку к афише: «В концерте участвуют народные артисты Союза...» Так ребята, пионеры, вы ступили рядом с прославленными мастерами искусств. Через несколько дней группа Обранта получила право именоваться молодежно-танцевальным ансамблем Н-ской армии. Это было признание мастерства, которого добились 15-летние.

– Отлично! – сказали в политотделе. – Поздравляем! Но, между прочим, предлагаем всем вам окончить среднюю школу. Нельзя расти неучами, не так ли?

И ансамбль стал заниматься в заочной школе. Ездили на занятия через весь город с учебниками и тетрадями, от которых успели отвыкнуть.

Тогда же стали вести дневник и выпускать свой рукописный комсомольский орган «Тачанка». Потому что к той поре бывшие пионеры стали комсомольцами. И, пожалуй, самой яркой записью в дневнике и в «Тачанке» был отчет о поездке в Москву, на III антифашистский съезд молодежи.

Они вышли на сцену Колонного зала Дома Союзов, и на солдатских гимнастерках у каждого горела только что полученная медаль «За оборону Ленинграда».

Щурясь под ярким светом юпитеров, они растерянно слушали все нарастающую овацию. И не сразу поняли, отчего люди вдруг вскочили со своих мест, тянут к ним руки, что-то кричат. А когда расслышали: «Ленинград! Ленинград!», стало ясно, что это овация городу, который выстоял, не упал перед врагом на колени и даже в черную ночь блокады сберег самое пре красное, что есть на свете: юность и искусство...

В тот вечер ребятам Обранта не хватало для полного счастья разве лишь вот чего: не было с ними в Москве одной из лучших солисток ансамбля Вали Сулейкиной.

Дымный след от солнца

Валя пришла в ансамбль чуть позже первой шестерки. Еще до войны девочка потеряла родителей.

Блокаду бедовала вместе с тремя родственницами. Потом они умерли. Валя сидела в комнате и не знала, что делать.

Все же она нашла в себе силы, пешком до бралась на другой конец города, к заводу «Вулкан», где раньше работал ее брат, воевавший сейчас на фронте. И теперь стояла у станка, точила детали для снарядов.

Она привыкла к одиночеству, умела ловко прятаться от бомбежек, настигавших ее по дороге на завод или с завода. И потом совсем не считала себя героем, когда через месяц ушла добровольцем на фронт.

Иногда, сидя в землянке, у аппарата, военная телефонистка Сулейкина вспоминала пионерский дворец, ребят, Обранта... Где они? Еще во Дворце ей говорили, что она способная танцовщица и, если постарается, станет настоящей балериной. Где же все-таки сейчас Обрант и ребята?

И вдруг по радио она услышала о концерте, который давал ансамбль.

Получив увольнительную, Валя добралась до Рыбацкого.

Ее не сразу узнали в подтянутом, лихом бойце с косичками, ловко упрятыми под пилотку. А узнав, кинулись обнимать:

– Валюшка? К нам! Вот это здорово!

Обрант добился, чтобы солдата Сулейкину перевели в агитвзвод. Вот тогда она впервые за войну испугалась. Она отстала от ребят; по-прежнему легкая и гибкая, она все-таки танцевала не так, как прежде. Предстоял тренаж и тренаж.

И она тренировалась, урывая часы от сна. Пока зала не было, репетиционную устроили прямо на улице, перед домом, где жили. Солдаты, шагавшие в дозор, часто видели в полутьме танцующую перед домом девчонку. Случалось, вблизи грохотал снаряд, тогда бойцы кричали на Валентину, но она, словно не расслышав, продолжала свое.

Так догнала она остальных и уже вместе со всеми ездила па концерты. А иногда после концерта грузовик отвозил ребят к дому, где жила мама Нелли Раудсепп. Гости рассаживались по своим любимым местам – у Вали таким местом в комнате был старенький сундучок, – вспоминали мирную пору и пели под гитару песню «Черные косы». Запевала Валя, потому что голос у нее был чистый и свежий. Песня была тихая, протяжная, не мешающая ни думать, ни мечтать...

Все произошло ясным июльским полднем. В голубой выси, до удивления мирной и ясной, сияло солнце. Птицы, словно совсем позабыв про войну, во всю мочь заливались среди редких уцелевших деревьев Рыбацкого. Валя вприпрыжку бежала по шпалам трамвайной колеи – надо было забрать танцевальные костюмы из прачечной.

Отсюда, с улицы, было видно, как, поыхивая, к станции подошел поезд. И оттого стало еще радостней: городу теперь легче, пятятся от него фашисты, даже поезда начали ходить в Ленинград.

Первый снаряд упал рядом с поездом. Свиста второго Валя не расслышала. Просто почувствовала внезапную и острую тоску, увидела себя лежащей на шпалах, хотела подняться и не смогла.

Очнувшись, Валя увидела, как хлопчут возле нее врач и санитары. Обрант сидит рядом на вывороченной шпале. Тогда она спросила:

– Как же я буду... теперь?..

Он молча взял ее руки в свои и так держал их крепко, не отпуская, пока раненую не положили в машину...

В операционной сквозь потухавшее сознание она расслышала голос врача: «Ампутировать...» Она снова напрягла все силы и прошептала:

– Не... хочу...

Врач наклонился к самому ее уху, спросил:

– У тебя есть родственники в Ленинграде? Отец? Мать?

Она зашевелила губами:

– Говорите с Аркадием Ефимовичем...

Обрант выступил вперед и решительно сказал:

– На ампутацию не согласен. Запрещаю.

Он стоял, загородив Валентину, сжав кулаки, словно собирался с кем-то драться, от кого-то защищать свою ученицу. Ногу ей спасли, – почти не надеясь на чудо. Но приговор врачей был беспощаден: ходить Валя будет, танцевать – никогда.

С той поры она осталась лежать на больничной койке надолго – на целый год. Раздробленное бедро, искалеченная голень заживали медленно. Закованная в панцирь из гипса, она лежала почти неподвижно, стараясь ни о чем не думать, не вспоминать и не жалеть.

Что-то вроде собрания

– Скоро у нее день рождения, – сказала Валя Штейн. – Ты не реви, Нелька. Если все мы будем реветь... – И всхлипнула тоже.

Ребята сидели в своем общежитии и обсуждали: чем же теперь помочь Вале Сулейкиной? Они видели многое. Они привыкли к войне. Но то, что произошло с Валею, было страшнее всего пережитого и виденного. Фашистский снаряд не просто ранил человека. Он убил ее мечту.

– Скоро у Вали день рождения, – повторил Генька Корневский. – В палату нас не пускают. Но в этот день пустят, я думаю.

– Пустят, – сказал Обрант. – Я говорил с врачом. Но станет ли ей от этого легче?

Тогда Феликс Морель поднялся с места. Его звали Птахой – за то, что в танце обладал высоким, летящим прыжком. Но сейчас он стоял сгорбившись, словно тяжесть пригнула его плечи. И Валя Клейман встал, и Мирза Аваков – веселый, смешливый парень, пришедший в ансамбль почти в одно время с Валею. Мирза сейчас был грустен, он сказал за всех троих:

– Мы думаем, ей станет легче. Наверное, это не ахти какое счастье – наблюдать наши физиономии. Но мы станцуем для нее. Все же день рождения.

Его перебили.

– Танцевать?! Мирза с ума сошел! – кричали одни.

— Он нрав! — кричали другие.

– Ти-хо! – сказал Геннадий. – У нас здесь получилось что-то вроде собрания, поэтому давайте порядок! Есть мнение: мы не с кисейной барышней имеем дело, а с фронтовиком. Небось когда в комсомол ее принимали, каждый говорил: сильная, мужественная и все прочее. Выходит, она сейчас перестала быть такой?

Это была самая убедительная речь, произнесенная когда-либо комсоргом ансамбля, и все смолкли, удивившись: как же раньше об этом не подумали? Валя, вынесшая в жизни побольше многих, — раскисла, сдалась?..

– Все не так-то просто, – сказал Обрант устало. Виски его запали, он казался совсем постаревшим. – Я тоже за то, чтобы отпраздновать день рождения Вали. И в политотделе тоже за, и во Дворце. Тоже. Но, – он обвёл всех взглядом, – тут каждый должен понимать, как все серьезно.

Это было сказано тоже убедительно. И поэтому в день рождения Вали они ехали в госпиталь с тяжелым сердцем.

Праздник

В то утро Валя проснулась рано. Рядом на стуле лежал букет цветов. Покосившись на соседок – никто не шелохнулся, наверно, спали – Валя исхудавшими пальцами тронула лепесток, яркий и нежный. Потом посмотрела в окно. Там разгорался рассвет,

капли только что прошедшего дождя, прилипнув к стеклам, сверкали в первых солнечных лучах.

Она отвернула голову к стене – так привыкла лежать целыми днями. Но тут услышала тихий шепот, смех, и вся палата, как по команде, закричала:

– С днем рож-день-я! С днем рож-день-я!

Это было как в школе, до войны. Только вместо парт здесь стояли больничные койки, а вместо девчонок шумели взрослые женщины в бинтах и перевязках.

Потом Валю поздравляли медсестры, санитарки, дежурный врач. Пришел начальник госпиталя, за ним внесли огромный торт. А букетик на тумбочке уже утонул в ворохе других цветов: политотдельские офицеры, подойдя к Валиной койке и почтительно откозыряв, клали рядом все новые букеты. Приехал генерал. Расцеловал Валю в обе щеки, хитро глянул в глаза, даже подмигнул, словно суля совсем уж невиданный сюрприз. И тут из-за его спины выступила Варшавская, а за ней в палату вкатилась куча мальчишек и девчонок в пионерских галстуках. Крохотный барабанщик лихо грянул дробь, но, опомнившись, спрятался за спину генерала...

Вокруг было весело, празднично, светло. Вале на минутку показалось, что война где-то совсем далеко-далеко и все, что произошло там, в Рыбацком, вблизи от гудящего паровоза, – сон, нелепое наваждение... Она даже попробовала шевельнуть ногой и, пересилив боль, все же не застонала. Зачем было портить настроение этим пришедшим к ней в гости людям?

Агитвзвод приехал к вечеру. Быстрым шагом в палату вошел Обрант. Поздравив Валю, сказал просто:

– Там ребята просят тебя помочь им гримироваться. Врач разрешил.

Она не успела ответить. Два дюжих санитаря бережно подняли раненую и переложили на каталку. Валя ошеломленно опустила голову на подушку. Каталку повезли.

В комнатке, отведенной под гримировальную, была обычная предконцертная суэта. Завидев Валю, танцоры кинулись к ней. Тут кто-то развел мехи аккордеона, и Мирза Аваков закричал, что в честь такого дня он споет «Черные косы». Девчонки испугались: у Мирзы ломался голос, и прежде далеко не оперный. Тогда Валя, сама удивляясь себе, запела – сперва неуверенно, а потом всё громче и громче. Ей подпевали, хотели качать новорожденную вместе с каталкой, да одумались: Обрант посулил всему ансамблю гауптвахту. Валя смеялась, потому что знала: все это шутки и ребята хотят, чтобы ей было весело.

Потом она поправляла прическу Нелли, застегивала Феликсу пуговики на украинской рубаше, гримировала Геньку.

Перед концертом каталку с Валею поставили в госпитальном зале возле сцены. Над рядами погас свет. На сцене уже появился ведущий.

– Товарищи!– сказал он. – Мы начинаем концерт, посвященный бойцу нашего агитвзвода, танцовщице Валентине Сулейкиной. Вы ее знаете, она не раз выступала перед вами – под огнем, на передовой. А сейчас лежит здесь, тяжело раненная. И сегодня у нее день рождения. Поздравим ее, друзья!

Зал захлопал. Бойцы поднимались со своих мест, чтобы лучше разглядеть Валентину. И пока она собиралась с духом, чтобы благодарно улыбнуться людям, так по-доброму глядевшим на нее, грянул оркестр: «Ты лети с дороги, птица...»

Словно ветер прошелся по залу, когда ринулась на сцену первая ребячья «тачанка». Сабли молниями взвились к небу. Молодой пулемет чик, содрогаясь от гнева, рассек свинцом вражескую цепь...

В этот миг за окном ударила зенитка. К ней присоединились другие. Вскоре все слилось в ровный, могучий гул заградительного огня, стеной поднявшегося над фронтом. А здесь, на сцене, буденновская конница устремилась им вдогонку, звонкие трубы возвестили об этом земле. И земля, радуясь близкой победе, громко твердила Вале: «Смотри, слушай, запоминай!.. Это не зря – все, что было с тобой. Это не зря – все, что будет. Ты всегда должна быть рядом с людьми. Даже неподвижная, ты в бою. Всегда! Понимаешь?»

Она привсталала, слушая это. А за окном грохотали зенитки, и песенная конница на сцене рвалась вперед и вперед.

И будет жить всегда!

Концерт продолжался долго. Уже стих бой за окнами, уже Валя Штейн выстукивала каблучками неугомонную «цыганочку» и матросские клеши, лихо подметавшие сцену, уступили место нарядным плащам темнокожих кабальеро, – а за кулисами готовились всё новые и новые участники. Теперь Валя волновалась за ребят, она кричала вместе с залом «бис!», аплодировала до боли в ладонях...

После концерта ее отвезли в палату совсем обессиленную.

Ребята, переодевшись, снова собрались возле ее кровати. Пили чай, жевали пироги, угощали остальных раненых. Тихонько, чтобы никому не мешать, говорили о жизни, о своих делах. Было решено, что, подлечившись, Валентина, конечно же, вернется в ансамбль – будет помогать Обранту в тренаже. Дворец растит новых красногалстучных танцоров – Вале хватит хлопот и с ними.

– Потому что мы уже старики, – с важностью сказал Генька Корневский, – и пора нам готовить смену.

Все засмеялись, глядя на совсем юные Генькины щеки. Тогда Мирза Аваков сказал:

– Старики не старики, а на войне – год за три. Так солдаты говорят... Бывалые.

Все знали солдаты-танцоры. Лишь одного они не знали в тот вечер: через полгода Валя Сулейкина будет награждена орденом Красной Звезды, а позже и они сами, и Обрант получат боевые награды.

Они вспоминали о прошлом и мечтали о будущем... Когда дежурный врач, заглянув в палату, намекнул, что пора уходить, послушно на цыпочках вышли. На улице, синей от ранних ноябрьских заморозков, мерз грузовик. Уселись в его кузов, прижались тесно и так понеслись сквозь ночь – по городу, по берегу Невы, легко и свободно катившей свои волны...